

© 2013 г. Е.Е. Несмеянов

УДК 101

**К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТЕОРИИ ЛЖИ
У АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО**

[To the question of lie theory formation of St. Augustine]

The problem of emergence of the lies theory in St. Augustine is considered. In contrast to the "classical" paradigm of true and false knowledge, based on prevailing Aristotelian ideas of Plato, Augustine, testing, on the one hand, the influence of ancient thinkers, especially Cicero, on the other – Christianity – interprets the epistemological tradition of understanding of the true and false knowledge as moral and religious issue. Giving false status of law-psychological and anthropological phenomenon, he recognizes the problem of lie of great practical importance. Augustine identifies eight categories of lies. He condemns lying in any form. If you look at the problem of the difference of Christianity from other religions through the relation to the lie, Augustine seems quite justified. The most terrible lie is in a sermon. Such lie undermines the faith in God, undermines religion. Lie is not a form of non-truth, it is a mortal sin. It turns out that religious faith is the foundation of stability and social order. It is shown that the idea of the relationship of religious faith with a sense of security and a guarantee of the reliability of human existence, the widely discussed modern thinkers are presented in adequate to the medieval era conceptual form already in the works of St. Augustine.

Key words: lies, truth, faith, a liar, a non-truth, the lie theory.

К IV веку в философии античного мира сложилась так называемая «классическая» парадигма истинного и ложного знания на базе платоно-аристотелевских идей и категориального аппарата. Аристотелевская теория корреспонденции, объявившая критерием истины соответствие мышления действительности, доминирует в научном сообществе и в гуманитарном образовании Римской империи.

Прибегая к определенному упрощению, можно сказать, что истина и ложь – понятия, действующие в сфере гносеологии. Изредка они употребляются для характеристики психологических особенностей мышления. Вся укоренившаяся в научной традиции сеть понятий – «действительность», «реальность», «мнение», «кажимость», «факт» – также направлена на проблему демаркации истины и не-истины в процессе познания мира.

Для характеристики моральных и социальных качеств личности используют другие термины: «правдивость», «искренность», «честность», «прямодушие», характеризующие достоинства или «доблесть» свободного гражданина, наделенного политическими правами. Лживость как рабское состояние души отличается от военной хитрости или от обмана противника, конкурента в любви, дипломатии, спорте или политике. Такой обман относится к мудрости – «софии». Тот же Одиссей неоднократно называется «многомудрым» во всей античной литературе и очень редко – лжецом.

Феномен лжи еще не осмыслен концептуально ни как проблема антропологии, ни как моральная проблема. Различие истины и лжи проводится только в теории познания, имея четкий критерий времени. Истина всегда вечна, а ложь всегда временна. Ложь раскрывается, обнаруживается, всплывает и проходит, уничтожается. Ложь не укоренена в Космосе. В отличие от истины, ложь – «человеческое, слишком человеческое». Единственное объективное качество лжи – ее связь с чувственностью человека. Чувственность способна привести нас к ложному знанию независимо от наших намерений и желаний.

Эту картину застаёт Августин Блаженный и решительно ее ломает. Августин – основатель теории лжи. Он интерпретирует гносеологическую традицию понимания истинного и ложного знания как морально-религиозную проблему. Придавая лжи статус закономерного психологического и антропологического явления, Августин признает за проблемой лжи огромное практическое значение. Следует сказать, что подавляющее большинство теологических, психологических, социологических и антропологических современных теорий, рассматривающих проблему лжи, вытекают прямо из идей Августина или тесно связаны с ними. Августин дважды специально обращается к феномену лжи в трактатах «Против лжи» и «Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви», фактически открывая новую богословско-антропологическую теорию. Объявляя ложь смертным грехом, Августин выделяет 8 категорий лжи. Самая греховная ложь – та, которая произносится священником во время проповеди, и самая легкая – та, которая никому не наносит вреда. Однако любая ложь есть смертный грех, и лжец подвергает себя опасности проклятия, даже если лжет «во спасение» себя или другого человека. «Нельзя отрицать, что люди допускающие ложь только для спасения человека, делают много доброго; но в таком случае справедливо восхваляется или даже вре-

менно вознаграждается их благожелательность, а не ложь, которая только извиняется, но не одобряется» [1, с. 817].

Августин прекрасно понимает разницу между ложью с желанием навредить или получить выгоду и ложью с желанием помочь и спасти человека. Но средство, выбранное для спасения, – греховно, и существует опасность возведения греха в добродетель, чего нельзя допустить. В случае признания «лжи во спасение» добродетелью возникает другая моральная проблема. Где граница допустимой лжи для верующего христианина? В случае оправдания греха лжи христианин не отличается от язычника или иудея. Видимо, в этом суть ригористичности Августина, подхваченная через века Мартином Лютером, и, что важнее, И. Кантом, сформулировавшим идею категорического императива в полном соответствии с концепцией Августина.

И еще одно наблюдение. Августин, как общеизвестно, поклонник Цицерона. Он глубоко проникся идеями римского политика. Но именно Цицерон очень жестко и очень по-римски оценивает иронию Сократа как двуличие: «Думая одно и говоря другое, он (Сократ – *Е.Н.*) находил удовольствие в подобном двуличии, которое зовется у греков иронией» [2, с. 41]. Вот эту ситуацию, когда человек «думает одно, а говорит другое» Августин и называет «намерением лгать» вполне в духе Цицерона, не обращая внимания на то, какие высокие цели при этом преследуются.

Если посмотреть на проблему отличия христианства от других религий через отношение ко лжи, то жесткая позиция Августина выглядит вполне оправданно. Языческая религия греков и римлян оправдывала ложь для достижения успеха в политике, войне, дипломатии, торговле, любви, для спасения от опасности и даже при обращении к богам с просьбами. Индуизм еще определеннее говорит о том, что лгуций во имя спасения своей или чужой жизни не соприкасается с грехом. Иудаизм разрешает лгать не только для спасения от опасности, но и для достижения любой выгоды, если ложь касается иноверцев. Более того, Талмуд разрешает лгать и в среде евреев из скромности, когда лгуций скрывает свою ученость и превосходство в знании Священных книг; лгать на тему супружества при определении семейного статуса для начисления налога; лгать человеку, дающему приют, чтобы не ставить благодетеля в затруднительное положение. Для Августина вопрос отличия христиан (и морального превосходства) от последователей других ре-

лигий крайне значим, что понятно, исходя из знания реалий Римской империи IV века и неустоявшегося отношения в социуме к христианству.

В XIII веке, когда христианство получает совершенно другой политический, культурный и моральный статус в Европе, Фома Аквинский смягчает позицию Августина. Соглашаясь с тезисом, что любая ложь есть грех перед Богом, Фома утверждает, что не всякая ложь – смертный грех. Та ложь, которую мы сегодня называем враньем, то есть ложь без намерения получить выгоду в любом ее проявлении, без желания навредить, оскорбить, душевно ранить и т.д. не подвергает душу вечному проклятию. Например, это может быть шутка, ироническое высказывание, пишет Фома.

Августин этот критерий тоже знает и использует. Но, в отличие от Фомы, он выдвигает его только в паре с другим критерием. «Всякий же, кто лжет против того, что чувствует в душе, говорит с намерением лгать» [1, с. 822]. Главный критерий лжи – именно намерение обмануть, не важно, с какими целями. Фантазия, художественный вымысел, шутка, иносказание – не грех для Августина, потому что здесь нет намерения обмануть.

Конечно, как любое психологическое явление намерение расплывчато по содержанию и недостаточно определено понятийно. Но по Августину человек может сам себя спросить, было ли у него намерение обмануть. И отвечая на этот вопрос, не следует забывать о том, что Бог «читает в душах людей», что есть еще и внешний, Высший Судья наших поступков и намерений. Августин полагает, что человек (за редчайшим исключением) хорошо понимает свои намерения.

И вот теперь мы подходим к другому сюжету, который меньше распространен в комментирующей литературе. Возможно, есть еще одна причина столь жесткой, неуступчивой позиции Августина в осуждении лжи в любой ее форме, кроме желания дистанцироваться от других религий и соответствовать в своем понимании поведения христианина и тексту, и духу Нового Завета.

Августин недаром считает самой страшной ложью – ложь священника во время проповеди. Такая ложь, будучи разоблаченной, подрывает саму веру в Бога, подрывает религию. Человек, утратив доверие к религии и веру в Бога, теряет не просто истину (как в античной философии), а Бога и надежду на спасение души. Не просто истина против лжи, а вера христианская против лжи. Бог и ложь не совместимы. Ложь – это не форма не-истины, это – смертный грех. Вот суть позиции Августина. «...всякая же ложь должна называть-

ся грехом... никакая ложь не должна считаться безгрешной на том основании, что ложью мы можем иногда помочь кому-нибудь» [там же].

Говоря современным языком, ложь – всегда слом веры, «вероломство»; а вера и, прежде всего, вера религиозная – основа социального доверия, основа стабильности и социального порядка [3, с. 52]. Отсутствие доверия в обществе разрушает этический уровень социальных связей, а это – первый шаг к разрушению социума. В свое время Эрих Фромм пронизательно указывал на связь религиозной веры с чувством безопасности и гарантией надежности самого человеческого существования [4, с. 154]. Возможно, что именно эту идею, высказанную современными мыслителями, гораздо раньше пытается донести до своего читателя Августин Блаженный в адекватной для его исторической эпохи концептуальной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск, 1999.
2. Цицерон. Лукулл. 5.15 / Цит. по: Адо П. Что такое античная философия? М., 1999.
3. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.

REFERENCES

1. St. Augustine. On the true religion. Theological treatise. Minsk, 1999.
2. Cicero. Lucullus. 5.15 / by: Ado P. What is ancient philosophy? Moscow, 1999.
3. Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow, 2008.
4. Fromm E. Psychoanalysis and Ethics. Moscow, 1993.

**Северо-Кавказский научный центр
высшей школы ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия**

12 октября 2013 г.